

БОГОСЛОВСКИЕ ТРУДЫ
СБОРНИК ТРИНАДЦАТЫЙ,
посвященный проф. Н. Д. Успенскому
МОСКВА • 1975

Профессор Николай Дмитриевич
УСПЕНСКИЙ

АНАФОРА
(Опыт историко-литургического анализа)

Стр. 117 – 125.

Перейдем к рассмотрению анафоры Римо-Католической Церкви, которая после Тридентского Собора 1563 г. стала обязательной для всех поместных католических Церквей. В левом столбце дается ее текст на латинском языке по «Missale Romanum», изд. 1902 г., в правом – на русском языке (перевод мой. – *Н. У.*).

В римо-католической анафоре префацио – не стабильная часть. Сохраняя в целом значение древнехристианских евхаристических доксологий, она представляет большое количество вариантов, в которых указывается значение того или иного праздника, в который совершается данная месса. Существование для разных праздников особых префаций было свойственно не только древней римской анафоре, но и медиоланской¹, мозарабской², галликанской³ (о подобных вставках в епиклесис было сказано выше). Сакраментарий папы Льва Великого содержит 267 префаций, хотя он неполный⁴. Они занимают видное место в Сакраментарии папы Геласия I⁵, так что древняя общецерковная форма префацио служила своего рода рамой (по выражению И. Юнгмана), куда вставлялось воспоминание о том или ином священном событии, в связи с которым совершалась месса⁶. По существу эти праздничные или памятные вставки в анафору представляют то же, что в византийской литургии пение тропарей и кондаков по малом входе. В приводимой ниже анафоре дано префацио, читаемое во все праздники и дни, которые не имеют собственных префаций, а также в дни поминовения усопших⁷.

¹ Daniel, Codex Liturgicus, t. I, Lipsiae, 1847, p. 78.

² Там же, p. 79.

³ Там же.

⁴ J. Jungmann, Цит. соч., p. 301.

⁵ Там же, p. 302.

⁶ Там же, p. 301.

⁷ Missale Romanum, p. 243.

Vere dignum et justum est, aequum et salutare, nos tibi semper, et ubique gratias agere: Domine sancte, Pater omnipotens, aeternae Deus: per Christum Dominum nostrum. Per quem majestatem tuam laudant Angeli, adorant Dominationes, tremunt Potestates. Coeli, coelorumque Virtutes, ac beata Seraphim, sociis exultatione concelebrant. Cum quibus et nostras voces, ut admitti jubeas, deprecamur, supplicis confessione dicentes. Sanctus, Sanctus, Sanctus Dominus Deus Sabaoth. Pleni sunt coeli et terra gloria tua. Hosanna in excelsis. Benedictus qui venit in nomine Domini. Hosanna in excelsis.

Воистину достойно и праведно есть, пристойно и спасительно, чтобы мы Тебя всегда и везде благодарили, Святой Господи, Отче всемогущий, вечный Боже, через Христа, Господа нашего. Через Которого Твое величие хвалят Ангелы, почитают Господства, трепещут Силы. Небеса и Совершенства небес и блаженные Серафимы в общем ликовании празднуют. С ними да будут приняты, молимся, и наши голоса с благоговением говорящие.

Свят, свят, свят, Господь Бог Саваоф! Полны суть небеса и земля славы Твоей. Осанна в вышних! Благословен грядый во имя Господне. Осанна в вышних!

Дальнейший текст анафоры стабилен и потому называется канонем мессы.

Te igitur clementissime Pater, per Jesum Christum Filium tuum, Dominum nostrum, supplices rogamus ac petimus, uti accepta habeas et benedicas haec dona, haec munera, haec sancta sacrificia illibata, in primis quae tibi offerimus pro Ecclesia tua sancta catholica, quam pacificare, custodire, adunare et regere digneris toto orbe terrarum, una cum famulo tuo Papa nostro N., et antistite nostro N., et omnibus orthodoxis, atque catholicae et apostolicae fidei cultoribus.

Memento Domine famulorum famularumque tuarum N. N. et omnium circumstantium, quorum tibi fides cognita est et nota devotio, pro quibus tibi offerimus, vel qui tibi offerunt hoc sacrificium laudis pro se, suisque omnibus, pro redemptione animarum suarum, pro spe salutis et incolumitatis suae, tibi que reddunt vota sua aeterno Deo vivo et vero.

Communicantes et memoriam venerantes in primis gloriosae semper Virginis Mariae, Genitricis Dei et Domini nostri Jesu Christi, sed et beatorum Apostolorum ac Martyrum tuorum: Petri et Pauli, Andreae, Jacobi, Joannis, Thomae, Jacobi, Philippi, Bartholomaei, Matthaei, Simonis et Thaddaei, Lini, Cleti, Clementis, Syxti, Cornelii, Cypriani, Laurentii, Chrysogoni, Joannis et Pauli, Cosmae et Damiani, et omnium Sanctorum tuorum, quorum meritis, precibusque concedas, ut in omnibus protectionis, tuae muniamur

Итак, милостивейший Отче, через Иисуса Христа, Сына Твоего, Господа нашего, смиренно молим и просим Тебя, приими и благослови сии дары, сии приношения, сии святые непорочные жертвы, которые приносим Тебе во-первых за Твою Святую вселенскую Церковь, которую благоволи умирить, охранять, соединить и управлять по всей земле, вместе с служителем Твоим Папою нашим (имярек) и Владыкою нашим (имярек) и всеми православными, проповедниками католической и апостольской веры. Помяни, Господи, рабов и рабынь Твоих (имярек) и всех присутствующих, вера которых известна и благочестие которых Тебе ведомо, за которых мы приносим Тебе или которые приносят Тебе сию жертву хвалы за себя и всех своих, во искупление своих душ, в надежде спасения и благополучия своего, и воздают обеты свои Тебе, вечному, живому и истинному Богу.

Пребывая в общении и ублажая память во-первых Преславной Приснодевы Марии, Матери Бога и Господа нашего Иисуса Христа, также блаженных апостолов и мучеников Твоих Петра и Павла, Андрея, Иакова, Иоанна, Фомы, Иакова, Филиппа, Варфоломея, Матфея, Симона и Фаддея, Лина, Клита, Климента, Сикста, Корнилия, Киприана, Лаврентия, Хрисогона, Иоанна и Павла, Космы и Дамиана и всех Святых Твоих, заслугами и молитвами которых даруй нам во всем ограждение помощью Твоего Промысла. Через Того же Христа Господа нашего. Аминь.

auxilio. Per eundem Christum Dominum nostrum. Amen.

Hanc igitur oblationem servitutis nostrae, sed et cunctae familiae tuae, quaesumus Domine, ut placatus accipias, diesque nostros in tua pace disponas, atque ab aeterna damnatione nos eripi, et in electorum tuorum jubeas grege numerari. Per Christum Dominum nostrum. Amen.

Quam oblationem tu Deus in omnibus, quaesumus, benedictam, adscriptam, ratam, rationabilem, acceptabilemque facere digneris, ut nobis Corpus et Sanguis fiat dilectissimi Filii tui Domini nostri Jesu Christi.

Qui pridie quam pateretur, accepit panem in sanctas ac venerabiles manus suas, et elevatis oculis in coelum ad te Deum Patrem suum omnipotentem, tibi gratias agens, benedixit, fregit, deditque discipulis suis, dicens: Accipite et manducate ex hoc omnes: Hoc est enim corpus meum.

Simili modo postquam coenatum est, accipiens et hunc praeclarum calicem in sanctas ac venerabiles manus suas, item tibi gratias agens, benedixit, deditque discipulis suis dicens: Accipite et bibite ex eo omnes: Hic est enim calix sanguinis mei, novi et aeterni testamenti, mysterium fidei, qui pro vobis et pro multis effundetur in remissionem peccatorum.

Haec quotiescumque feceritis, in mei memoriam facietis.

Unde et memores Domine, nos servi tui, sed et plebs tua sancta, ejusdem Christi Filii tui Domini nostri tam beatae passionis, necnon et ab inferis resurrectionis, sed et in coelos gloriosae ascensionis, offerimus praeclarae Majestati tuae, de tuis donis ac datis hostiam puram, hostiam sanctam, hostiam immaculatam, panem sanctum vitae aeternae et calicem salutis perpetuae.

Supra quae propitio ac sereno vultu respicere digneris, et accepta habere, sicuti accepta habere dignatus es munera pueri tui justi Abel, et sacrificium Patriarchae nostri Abrahae, et quod tibi obtulit summus sacerdos tuus Melchisedech, sanctum sacrificium, immaculatam hostiam.

Supplices te rogamus, omnipotens Deus, jube

Итак, сие приношение смирения нашего, но и всей Церкви Твоей, молим Тебя, Господи, милостиво приими, и дни наши устрой в мире Твоем, и благоволи избавить нас от вечного осуждения и сопричислить к стаду избранных Твоих. Через Христа Господа нашего. Аминь.

Сие приношение Ты, Боже, молим, сподоби сделать всецело благословенным, приемлемым, угодным, разумным и благоприятным; да станет оно нам Телом и Кровию возлюбленного Сына Твоего Господа нашего Иисуса Христа.

Который накануне дня Своих страданий взял хлеб в святые и досточтимые Свои руки, возрев к небу, к Тебе, Богу Отцу Своему всемогущему, возблагодарив Тебя, благословил, преломил и подал ученикам Своим, говоря: «Приимите и ядите от сего все, ибо сие есть Тело Мое».

Подобным образом после вечери, взяв и сию преславную чашу в святые и досточтимые руки Свои, также возблагодарив Тебя, благословил и подал ученикам Своим, говоря: «Приимите и пейте от нее все, ибо она есть чаша Крови Моей, нового и вечного завета, тайна веры, которая за вас и за многих изливается во оставление грехов.

Всякий раз, когда сие творите, творите в Мое воспоминание».

Посему и мы, Господи, рабы Твои и народ Твой святой, памятуя благословенное страдание и воскресение от преисподних и славное на небо вознесение Того же Христа, Сына Твоего, Господа нашего, приносим преславному Величеству Твоему от Твоих благ и даров жертву чистую, жертву святую, жертву непорочную, хлеб святой вечной жизни и чашу вечного спасения.

Благоволи воззреть на сие милостивым и светлым оком и приими, как сподобил принять дары отрока Твоего праведного Авеля и жертву Патриарха нашего Авраама, и то, что принес Тебе первосвященник Твой Мелхиседек, святое жертвоприношение, непорочную жертву.

Усердно молим Тебя, Всемогущий Боже, да

haec perferri per manus sancti Angeli tui in sublime altare tuum, in conspectu Divinae Majestatis tuae, ut quotquot ex hac altaris participatione sacrosanctum Filii tui Corpus et sanguinem sumpserimus, omni benedictione coelesti et gratia repleamur. Per eundem Christum Dominum nostrum. Amen.

Memento etiam Domine famulorum famularumque tuarum N. et N., qui nos praecesserunt cum signo fidei et dormiunt in somno pacis. Ipsi Domine, et omnibus in Christo quiescentibus, locum refrigerii, lucis et pacis ut indulgeas deprecamur. Per eundem Christum Dominum nostrum. Amen.

Nobis quoque peccatoribus famulis tuis de multitudine miserationum tuarum sperantibus, partem aliquam et societatem donare digneris, cum tuis sanctis Apostolis et Martyribus: cum Joanne, Stephano, Matthia, Barnaba, Ignatio, Alexandro, Marcellino, Petro, Felicitate, Perpetua, Agatha, Lucia, Agnete, Caecilia, Anastasia, et omnibus sanctis tuis, intra quorum nos consortium, non aestimator meriti, sed veniae quaesumus largitor admitte. Per Christum Dominum nostrum.

Per quem haec omnia, Domine, semper bona creas, sanctificas, vivificas, benedixisti et praestas nobis.

Per Ipsum et cum Ipso et in Ipso est tibi Deo Patri omnipotenti in unitate Spiritus sancti omnis honor et gloria.

Per omnia saecula saeculorum.

будет принесено сие руками святого Ангела Твоего на горный жертвенник Твой, пред лице Божественного Величества Твоего, дабы всякий раз, причащаясь святейшего Тела и Крови Сына Твоего, мы исполнялись всякого небесного благословения и благодати. Через Того же Христа Господа нашего. Аминь.

Помяни еще, Господи, рабов и рабынь Твоих (имярек), которые предварили нас со знаменем веры и почивают сном мира. Молим, Господи, даруй им и всем во Христе почивающим место прохлады, света и покоя. Через Того же Христа Господа нашего. Аминь.

И нам грешным рабам Твоим, уповающим на обилие милости Твоей, благоволи даровать некоторую часть и общение с Твоими святыми Апостолами и Мучениками: с Иоанном, Стефаном, Матфием, Варнавою, Игнатием, Александром, Марцеллином, Петром, Фелицитатою, Перпетуей, Агафией, Луцией, Агнессой, Цецилией, Анастасией и всеми святыми Твоими, в сообщество которых приими нас, молим Тя, не как воздаятель за заслуги наши, но как податель отпущения. Через Христа Господа нашего.

Через Которого, Господи, всегда творишь все сии блага, освящаешь, животворишь, благословляешь и подаешь нам.

Через Него и с Ним и в Нем, Тебе Богу Отцу Всемогущему, в единении со Святым Духом, всякая честь и слава.

Через все века веков.

Если для анафор Василия Великого и Иоанна Златоуста наукой установлены их архетипы (для первой так называемая египетская редакция литургии Василия Великого, а для второй – «Анафора 12 апостолов», употребляемая иногда яковитами, маронитами и униатами), то для римо-католической анафоры такой архетип не находится, а для первой половины ее (до «*Haec igitur*») не имеется даже родственного источника, который мог бы быть использован при изучении этой анафоры. Поэтому И. Юнгман, приступая к обзору истории римской мессы до Григория Великого, начал его словами: «Начало латинской мессы в Риме окутано неясностью. В то время, как мы довольно хорошо информированы о форме литургии, как она совершалась на Востоке, благодаря «Апостольскому Преданию» Ипполита, к описанию мессы в этот же период мы можем прийти только путем гипотетической реконструкции»⁸.

Особенностями римо-католической анафоры, смущавшими ученых и вызвавшими ряд гипотез, являются: произношение установительных слов Господа между ходатайственными молитвами, повторения о приношении даров и неоднократное появление в тексте фразы «*Per Christum Dominum nostrum*», которая восходит к глубокой христианской древности, является

⁸ J. Jungmann, Цит. соч., р. 288.

молитвенной формулой, не унаследованной от иудейства, а собственно христианского происхождения⁹. Этой формулой, как видно из «Апостольского Предания», в Риме еще во время Ипполита завершалась не только анафора, но и другие благословения¹⁰.

Эти заключительные формулы как бы разрывают анафору на части. К тому же в анафоре имеется несколько тирад, повторяющих предыдущие. Создается впечатление, что традиционные элементы анафоры в данном случае смешаны и расположены в беспорядке! Это особенно бросается в глаза при сопоставлении данной анафоры с анафорой Ипполита. Если допустим, что современная римо-католическая анафора происходит от анафоры Ипполита, то в таком случае будет непонятно, каким образом из литературно слаженной молитвы Ипполита с ясно выраженной дедукцией мысли и лаконичным языком изложения могло получиться такое смешение, тем более если учесть, что этот вид римо-католическая анафора имеет уже в Сакраментарии папы Геласия (492 – 496), т. е. менее чем через 300 лет после Ипполита.

По этому поводу Л. Буйэ пишет: «Канон этот представляет совершенно другую структуру, чем анафора Ипполита, и составлен он совершенно иначе. Мы имеем дело не с одной непрерывной молитвой, но с последовательной цепью молитв. С формой Ипполита это не имеет ничего общего. Для тех, кто мыслит, что «Апостольское Предание» (разумеется анафора Ипполита. – Н. У.) представляет текст, который в свое время употребляли римляне, может быть только один вывод, а именно, что современная римская анафора представляет результат невероятного расчленения, распада, где все дезорганизовано и находится в соединении со случайными элементами, сломавшими стройное единство, какое – как думали – представляла собой с самого начала римская анафора»¹¹.

Так именно смотрели в начале нашего века литургисты П. Древе и А. Баумштарк. Первый пытался реконструировать древнюю римскую анафору посредством перестановки ее тирад¹² и сопоставлением реконструированной с александрийскими анафорами доказать ее древность. По мнению Древе, такую перестановку сделал папа Геласий¹³ под влиянием Александрийского патриарха Иоанна Талаи, который в конце V века жил в Риме¹⁴. А. Баумштарк делил римскую анафору на три редакции: древнейшую, редакцию папы Льва Великому (440– 461) и редакцию папы Григория Великого (590–604)¹⁵. Исследование опять же сводилось к перетасовке тирад применительно к конструкции александрийской литургии. Результаты исследования оказались неубедительными.

Из ученых нашего времени Л. Буйэ считает, что первые пять тирад анафоры: 1) «Vere dignum», 2) «Sanctus», 3) «Te igitur», 4) «Memento Domine», 5) «Communicantes» – представляют утреннюю молитву евреев тефиллах (tefillah), унаследованную римскими христианами от их предков и переосмысленную в евхаристическую молитву¹⁶. Следующие две тирады – «Hanc igitur» и «Quam oblationem» – Л. Буйэ называет первым епиклесисом по отношению к последующим далее тирадам «Supra quae» и «Supplices Te rogamus», составляющим второй епиклесис. В этом он видит сходство римской анафоры с анафорой евангелиста Марка¹⁷. Но это сходство относительное. В анафоре евангелиста Марка два епиклесиса, но первый, который положен после префации и интерцессии, – нисходящий. За ним следует Санктус, анамнесис и епиклесис восходящий. Но вопрос не в разновидности епиклесиса, а в том, что «Hanc igitur» и

⁹ A. Baumstark, *Comparative Liturgy*, p. 68.

¹⁰ B. Botte, *Цит. соч.*, p. 16, 22, 26, 64, 76.

¹¹ L. Bouyer, *Цит. соч.*, p. 187.

¹² P. Drews, *Цит. соч.*, I, S. 26.

¹³ Там же, S. 36.

¹⁴ Там же, S. 38.

¹⁵ A. Baumstark, *Die Messe in Morgenland*, 1906.

¹⁶ L. Bouyer, *Цит. соч.*, p. 228–236.

¹⁷ Там же, p. 215–216, 237.

«Quam oblationem» представляют две тирады, из которых первая заканчивается формулой «Per Christum Dominum nostrum. Amen». Если это один епиклесис, то почему он разделен формулой, которой в Римской Церкви завершали разные благословения (не только анафору)? Этот вопрос у Л. Буйэ остается открытым.

Вопрос разрешится, если мы сопоставим вызывающую недоумение тираду «Quam oblationem» и последующие за ней «Qui pridie» и «Unde et memores», которым в анафоре придается значение анамнесиса, а также тирады «Supra quae» и «Supplices Te rogamus», представляющие второй епиклесис, с текстом части анафоры Амвросия Медиоланского, который он приводит в катехизических поучениях «De sacramentis».

Вот этот текст: «Соделай нам сие приношение начертанным, разумным, благоприятным, которое есть образ Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа, Который накануне страданий взял в Свои святые руки хлеб, воздев очи к небу, к Тебе, Святый Отче, всемогущий вечный Боже, возблагодарив, благословив, преломил его и раздал апостолам и ученикам Своим, говоря: «Приимите, ядите от него все, ибо сие есть Тело Мое, ломимое за многих». Подобно и чашу после вечери накануне страданий, вознеся к небу, к Тебе, Святый Отче, всемогущий, вечный Боже, возблагодарив, дал ученикам, говоря: «Приимите и пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя. Всякий раз, когда будете это делать, делайте в Мое воспоминание, пока Я не приду».

Поэтому, вспоминая славнейшие страдания Его и воскресение из мертвых и вознесение на небо, приносим Тебе сию непорочную жертву, жертву разумную, жертву животворящую, сей хлеб святой и чашу жизни вечной. И просим, и молим, да приимешь сие приношение в пренебесный Твой жертвенник руками Ангелов Твоих, как изволил принять дары отрока Твоего праведного Авеля, и жертву патриарха нашего Авраама, и что принес Тебе первосвященник Мелхиседек»¹⁸.

Текст медиоланской анафоры значительно компактнее текста римской, но в нем содержится то, чему посвящены вышеупомянутые пять тирад римской анафоры. То, что говорит Амвросий вначале: «Соделай нам сие приношение начертанным, разумным, благоприятным, которое есть образ Тела и Крови Господа нашего Иисуса Христа», по существу означает то же самое, что сказано в тираде римской анафоры «Quam oblationem»: «Молим Тебя, Боже, сподобить это приношение соделать всецело благословенным, приемлемым, угодным, разумным и благоприятным; да станет оно нам Телом и Кровью возлюбленного Сына Твоего, Господа нашего Иисуса Христа».

Слова медиоланской анафоры: «Который накануне страданий взял в Свои святые руки хлеб, воздев очи к небу, к Тебе, Святый Отче, всемогущий, вечный Боже, возблагодарив, благословив, преломил его и раздал апостолам и ученикам Своим, говоря: «Приимите, ядите от него все, ибо сие есть Тело Мое, ломимое за многих». Подобно и чашу после вечери накануне страданий, вознеся к небу, к Тебе, Святый Отче, всемогущий, вечный Боже, возблагодарив, дал ученикам, говоря: «Приимите и пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя. Всякий раз, когда будете это делать, делайте в Мое воспоминание пока Я не приду» – это почти дословное изложение тирады «Qui pridie».

Слова св. Амвросия: «Поэтому, вспоминая славнейшие страдания Его, и воскресение из мертвых, и вознесение на небо, приносим Тебе сию непорочную жертву, жертву разумную, жертву животворящую, сей хлеб святой и чашу жизни вечной» – текстуально близки тираде «Unde et memores».

Слова Амвросия: «И просим, и молим, да приимешь сие приношение в пренебесный Твой жертвенник руками Ангелов Твоих, как изволил принять дары отрока Твоего праведного Авеля и жертву патриарха нашего Авраама, и что принес Тебе первосвященник Мелхиседек» соответствуют сказанному в тирадах «Supra que» и «Supplices Te rogamus» с той разницей, что в

¹⁸ Кн. IV, гл. 21, 22, 26, 27.

медиоланской анафоре сначала упоминались ангелы, приносящие жертву в пренебесный жертвенник, а затем ветхозаветные праведники, чьи жертвы были приняты Богом, в римской же сначала упоминаются те же ветхозаветные праведники, а затем следует просьба о принятии Богом приношения Церкви руками ангела. Короче говоря, часть римской анафоры, начиная с тирады «*Quam oblationem*» и кончая тирадой «*Supplices Te rogamus*» составляет единое целое и, как таковое, оно заканчивается уже встречавшейся выше формулой «*Per eumdem Christum Dominum nostrum. Amen*».

Далее следует тирада «*Memento etiam*», представляющая молитву за умерших. Ее слова «*cum signo fidei*» («со знаменем веры»), выражающие древнехристианский взгляд на смерть как на переход в место покоя, указывают на раннее происхождение этой тирады¹⁹. К ней позднее было сделано дополнение «*Nobis quoque*»²⁰. В отличие от тирады «*Communicantes*» здесь упоминаются только мученики: Игнатий Богоносец, Александр, Марцеллин, Петр, о которых мало что известно, затем африканские мученицы Фелицитата и Перпетуя, две сицилийских – Агата и Люция, две римских – Агнесса и Цецилия и Анастасия, уроженка Рима, замученная в Иллирике, известная в месяцеслове под именем Узорешительницы. Завершение анафоры поминовением усопших в вере и мучеников являлось хорошим финалом молитвы, указывавшим на эсхатологический характер Евхаристии и напоминавшим о ее значении как сораспятия Христу. Анафора завершается произношением формул «*Per quem*», «*Per Ipsum*», «*Per omnia*».

Образование римской анафоры было своеобразным. Если анафоры Сарациона Тмуитского, Климентовой литургии, литургии Василия Великого, Иоанна Златоуста, Нестория и другие представляли авторскую редакцию более ранних анафор, то установить имя составителя римской анафоры невозможно. «Назвать имя этого автора, – говорит И. Юнгман, – было бы бесперспективной затеей»²¹. Был ли он вообще? Так можно сказать, потому что эта анафора образовалась не путем редактуры, а посредством «механического» дополнения старого новым. Те первые тирады ее, которые Л. Буйэ называет еврейским тефиллахом, приспособленным для совершения Евхаристии, еще в начале нашего столетия проф. И. Карабинов определил как примитивную анафору, восходящую к той поре, когда доксологии составляли главное содержание евхаристических молитв и когда другие элементы анафоры еще не выкристаллизовались²². «*Vere dignum*» – это префацио той древней примитивной анафоры. К нему примыкает «*Sanctus*». В одной тираде «*Te igitur*» содержатся в простейшем изложении восходящий епиклесис: «Смиренно молим и просим Тебя, приими и благослови сии дары, сии приношения, сии святые непорочные жертвы» и интерцессию как молитва за Церковь, при отсутствии анамнесиса. Позднее в эту тираду было внесено моление за папу, местного епископа и клир и отдельная тирада «*Memento Domine*» за народ, по существу представляющая продолжение предыдущей со слов «*Imprimis quae Tibi offerimus*». Появление в анафоре «*Memento Domine*» относят к началу V века²³. Позднее, ко времени папы Льва Великого, появилась тирада «*Communicantes*»²⁴ с поминовением святых, но все это были лишь дополнения, но не редакция древнейшего префацио. Время появления «*Hanc igitur*» не известно²⁵. Проф. И. Карабинов высказал предположение, что эта тирада появилась в связи с последующими, близкими по содержанию с анафорой св. Амвросия, и ее назначением было подчеркнуть, что таинство совершается не ради возвышенных молитв предстоятеля, а благодаря

¹⁹ J. Jungmann, *Missarum sollemnia*, I. Wien, 1958, p. 66.

²⁰ L. Bouyer, *Цит. соч.*, p. 241.

²¹ J. Jungmann, *Missarum sollemnia*, p. 72 - 73.

²² И. Карабинов, *Евхаристическая молитва...*, с. 148–149.

²³ J. Jungmann, *Missarum sollemnia*, p. 70.

²⁴ Там же, p. 71.

²⁵ Там же.

сказанному Господом на Тайной вечери о том, что хлеб и вино есть Тело и Кровь Его²⁶. «Каким образом этот хлеб может быть Телом Христа? Какими словами и чьими речами совершается освящение?» – спрашивает Амвросий и отвечает: «Господа Иисуса! Все же прочее, что существует возвышенное и что произнесено священнослужителем, – хвала Богу, возносимая молитва, ходатайство за народ, за царей, за прочее – все делается, чтобы быть достойным совершаемого таинства, но священник совершает его не своими словами, но словами Господа. Только слово Господа совершает таинство»²⁷. Префацию, возникшее на основе доксологий тефиллаха, не отражало того, что говорит о Евхаристии св. Амвросий. Нужно было оттенить разницу евхаристического богословия посленикейского периода от богословия иудео-христианского. Тирадой «Hanc igitur» устанавливается этот рубеж в самой евхаристической молитве, что дало основание западным богословам позднее рассматривать первую половину тирады «Te igitur» как «предэпиклезу». Я затрудняюсь сказать, внесены ли были в римскую анафору тирады «Quam oblationem», «Qui pridie», «Unde et memores», «Supra quae», «Supplicites Te rogamus» под влиянием медиоланской, или, наоборот, Амвросий комментировал анафору под влиянием римской Евхаристии. Я не располагаю нужной литературой, чтобы углубить этот вопрос. Амвросий говорил катехизические поучения в 390 году, а «Quam oblationem», «Qui pridie» и «Unde et memores» становятся известными в римской анафоре в начале V века²⁸. С другой стороны, таинственный образ Мелхиседека, упоминаемый в «Supra quae», комментируется в одном анонимном трактате 375 года²⁹. О тираде же «Supplicites Te rogamus» известно, что папа Лев Великий дополнил ее словами «sanctum sacrificium, immaculatam hostiam»³⁰. Возможно, что эти тирады, целью которых было углубление евхаристического богословия и усиление наибольшей молитвенной выразительности анафоры, вносились постепенно, с известной литературной обработкой в стиле древнего префацио, которое сохранялось в первоначальном виде.

О значении тирад «Memento etiam», «Nobis quoque» говорилось выше. Заметим, что они существовали в анафоре еще до времени папы Льва, т. е. до 440 г.³¹

Римо-католическая анафора – подлинно римская. Она создавалась в первые века жизни Церкви тамошними христианами еврейского происхождения, и Рим IV – V веков дополнял ее по мере углубления богословия, не касаясь ее первоначального текста. Это, разумеется, не означает изолированности римской литургической жизни от жизни других Церквей и отсутствия частичных заимствований Римом литургических традиций этих Церквей, в частности, Александрийской.

Более того, римское происхождение этой анафоры подтверждается ее литературным изложением, где часто употребляются «двойные» обороты речи, например: «rogamus ac petimus»; «accepta habeas et benedicas»; «catholicae et apostolicae fidei»; «sanctas ac venerabiles manus»; «de tuis donis ac datis»; трехчленная и даже четырехчленная и пятичленная характеристика атрибутов, например: «hostiam puram, hostiam sanctam, hostiam immaculatam» (речь идет о сакраментальном значении евхаристических даров); «pacificare, custodire, adunare et regere digneris toto orbe terrarum» (речь идет о деятельности Церкви в мире); «benedictam, adscriptam, ratam, rationabilem, acceptabilemque» (речь идет о евхаристическом приношении). Это стиль классического латинского языка древнего Рима. При многословности характеристик атрибутов он сохраняет свойственную ему юридическую точность и лаконичность в то время, как предмет речи анафоры христианский и образы библейские.

²⁶ И. Карабинов, Евхаристическая молитва..., с. 152.

²⁷ De sacramentis, IV, 14.

²⁸ J. Jungmann, Missarum sollemnia, p. 70.

²⁹ Там же, p. 66.

³⁰ Там же.

³¹ Там же, p. 71.

Вторым пунктом расхождения между Востоком и Западом является учение о времени освящения евхаристических даров. История образования анафоры, существование анафор без слов установления, которым Римо-Католическая Церковь придает значение совершительных, различные формы епиклесиса – восходящий и нисходящий – и различное текстуальное изложение епиклесисов исключают существование в Древней Церкви определенных, общеобязательных совершительных слов. Отсутствуют указания на эту общеобязательность и в святоотеческой письменности. Если Амвросий Медиоланский считал, что творческая сила в таинстве Евхаристии заключается в словах Иисуса Христа, которые могут «изменить природу элементов», подобно тому, как Илия словом низвел огонь с неба³², то ряд восточных отцов относил это к наитию Святого Духа. Так, Кирилл Иерусалимский, описав современную ему Евхаристию, говорит: «Потом, освятив себя сими духовными песнями, мы умоляем Человеколюбца Бога ниспослать Святого Духа на предлежащие дары, да сотворит Он хлеб Телом Христовым, а вино – Кровью Христовой. Ибо, без сомнения, чего коснется Святой Дух, то освящается и претворяется»³³.

Василий Великий говорит: «Кто из святых оставил нам на письме слова призывания при показании хлеба благодарения и чаши благословения? Ибо мы не довольствуемся теми словами, о которых упомянули апостол или Евангелие, но и прежде и после них произносим другие, как имеющие великую силу к совершению таинства, приняв их из неизложенного в Писании учения»³⁴.

Иоанн Златоуст говорит: «Священник стоит перед трапезой с простертыми к небу руками, призывая Святого Духа прийти и прикоснуться к Дарам»³⁵. В другом месте он говорит, что «предстоит священник, низводя не огонь, но Святого Духа; продолжает продолжительное моление не о том, чтоб огонь ниспал свыше и попалил предложенное, но чтобы благодать, нисшедши на жертву, воспламенила через нее души всех и соделала их светлейшими очищенного огнем серебра»³⁶. Из сказанного можно сделать только один вывод, что в святоотеческую пору Церковь придавала значение молитве, как таковой, но не отдельным ее словам, и понятия совершительных слов не существовало. Восточная и Римская половины единой Вселенской Церкви, имея существенно отличающиеся по форме анафоры, сохраняли евхаристическое общение и не укоряли одна другую в неправоверии. Более того, в периоды обостренных отношений между Константинополем и Римом ни патриархи Фотий и Михаил Керуларий, ни их римские противники, полемизируя друг с другом, не касались *consecratio*. И после разделения Церквей некоторые западные епископы еще не разделяли схоластического учения о материи и форме таинств и им было чуждо понятие совершительных слов. Один из авторитетнейших епископов – Вильгельм Дюранд († 1296), толкуя тираду «*Supplices te rogamus*», писал: «Всемогущий Боже, повели сие, то есть хлеб и вино, перенести, то есть положить, на небесный алтарь Твой, то есть в Тело и Кровь Сына Твоего, вознести превыше ангельских хоров... чтобы это было... то есть пресуществилось... благодатию Святого Духа»³⁷.

Только в XIV веке под влиянием схоластического учения о материи и форме таинств на Западе поднимается вопрос о моменте пресуществления даров и о связи этого Божественного акта с произношением определенных слов. В этом случае забыт был исторический путь развития анафоры, и богословию отцов Церкви, многообразно выражаемому в различных изречениях, была противопоставлена единая формула освящения, исключаяющая все другие виды молитв об

³² De mysteriis, IX, 52; срав. De sacramentis, IV, 14.

³³ Тайноводственные слова, V, 7.

³⁴ О Святом Духе, гл. 27. Творения, ч. III, М., 1891, с. 269–270.

³⁵ Беседа о кладбище и кресте. Творения, т. 2, с. 436.

³⁶ Слово о священстве 2-е. Творения, т. 1, с. 417.

³⁷ Rationale Divinorum officium, IV, 44.

этом. Флорентийский Собор 1439 года по настоянию папы Евгения IV в декрете «*Exultate Deo*» о Евхаристии изрек: «Форму этого таинства составляют слова Спасителя, через которые Он совершил это таинство. А священнослужитель, говоря от Лица Христа, совершает это таинство. Ибо в силу самих слов вещество хлеба превращается в Тело Христово и вещество вина – в Кровь Христову, однако так, что весь Христос содержится под видом хлеба и весь – под видом вина»³⁸.

Выше было сказано, что схоластические споры о времени пресуществления даров отразились и в восточном богослужении, где имели место попытки к введению единых для обеих анафор (Василия Великого и Иоанна Златоуста) совершительных слов. Одна из таких попыток – слова Иоанна Златоуста «Преложив Духом Твоим Святым» – до сего времени имеется в русских Служебниках в литургии Василия Великого. Более того, в чине архиерейской присяги говорится, что Церковь «верует и мудрствует совершати в Божественной литургии пресуществлению Тела и Крове Христовы наитием и действием Святаго Духа чрез призывание архиерейское или иерейское в словесех Богу Отцу молительных: сотвори убо хлеб сей честное Тело Христа Твоего, а еже в чаши сей честную Кровь Христа Твоего, преложив Духом Твоим Святым».

Отсюда эту цитату приводит митрополит Макарий в «Православно-догматическом богословии» и добавляет: «Так и всегда веровала Церковь Христова по преданию самих святых апостолов»³⁹. Все это можно понять только как контроверзу определению Флорентийского Собора 1439 года, но не как учение Православной Церкви, потому что не существует ни одного соборного определения, как нет ни одного святоотеческого высказывания в том смысле, что претворение хлеба и вина в Тело и Кровь Господа совершается при определенных словах анафоры как совершительной формулы. Претворение евхаристических даров – это сверхъестественное, метафизическое явление, не постижимое разумом и только принимаемое верой. Поэтому отцы Церкви и не связывали освящение даров с какой-либо определенной фразой анафоры. В этом отношении особенный интерес представляет толкование Евхаристии Николаем Кавасилой, архиепископом Солунским, жившим в середине XIV века, в разгар споров о времени освящения даров. Он пишет: «Подражая Первому Иерею, Который, перед сообщением таинства Причащения, принес благодарение Богу и Отцу, священник перед совершительной молитвой, которой священнодействует святые дары, приносит благодарение Богу и Отцу Господа нашего Иисуса Христа: «Благодарим Господа»; и когда все согласятся с этим и воспоют: «Достойно и праведно», он и сам возносит благодарение Богу, воздав Ему славословие, восхвалив Его с ангелами, исповедав Ему благодарение за все блага, которые Он даровал нам от века, и, наконец, совершив воспоминание оного неизреченного и постоянного смотра о нас Спасителя»⁴⁰. Описав таким образом префацию и упомянув о пении серафимского гимна, Николай Кавасила далее говорит, что священник «затем священнодействует честные дары и совершает всю жертву». «Каким образом?» – спрашивает он себя и отвечает: «Возвестив о той страшной вечери, как Спаситель, перед Своими страданиями, преподал ее святым Своим ученикам, как взял чашу, как принял хлеб и, возблагодарив, освятил и как изрек те слова, которыми показал, что это – таинство. Произнесши самые слова сии, священник потом преклоняется до земли, молится и просит, применяя к предлежащим дарам Божественные изречения Единородного Сына Божия, Спасителя нашего, чтобы Всесвятый и Всемогуший Дух Божий, почив на них, преложил хлеб в самое честное и святое Тело Христа, а вино – в самую честную и святую Кровь Его. После сих слов все священнодействие окончено и совершенно

³⁸ Н. Denzinger, C. L. Banwart, *Enchiridion Symbolicum, Brisgoviae*, 1922, p. 220, n. 544.

³⁹ Православно-догматическое богословие. Т. 2. СПб. 1895, с. 380–381.

⁴⁰ Изъяснение Божественной литургии, гл. 27. Писания свв. отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения, т. 3. СПб., 1857.

дары освящены, жертва уготована...»⁴¹. Итак, Николай Кавасила относит к совершительной молитве не одну какую-либо фразу, но весь анамнесис и весь епиклесис.

Более того, он считает действенной и римо-католическую анафору с ее восходящим епиклесисом. Он говорит, что латиняне «об освящении и преложении в Тело Господне просят не ясно, а употребляют другие, относящиеся к этому именованию, хотя они имеют ту же силу»⁴². Касаясь содержания римо-католического епиклесиса и, в частности, слов «Повели вознестися дарам сим рукою ангела в пренебесный Твой алтарь», Кавасила говорит, что «молитва эта в отношении к дарам производит не что иное, как то, что прелагает их в Тело и Кровь Господа... В этот-то пренебесный алтарь и молит священник вознести дары, то есть молит освятить их, преложить их в самое пренебесное Тело Господне... Таким образом ваши священники, созерцая Христа, как освящаемое, молятся о возложении на Него даров, молятся о том же самом, только в других выражениях и словах»⁴³.

Почему таинство совершается не произношением какой-то определенной формулы, а различными молитвами, Кавасила объясняет это исходя из сущности молитвы. Молитва – это обращение к Богу, в котором люди «полагаются не на себя, а на Бога, обещавшего даровать по молитве». Молитва исполняется не ради молитвы, а потому, что Бог благоволит к молящимся. «Потому-то мы и веруем в освящение Тайн по молитве священника, – продолжает Николай Кавасила, – потому что полагаемся на нее, не как на какую-нибудь молитву человеческую, а как на силу Божию, и не потому, что молится человек, а потому, что внимает Бог; не потому также; что умоляют Его, а потому, что Истина обещала даровать по молитве. А что Христос показал, что Он всегда готов даровать сию благодать, о том нечего и говорить»⁴⁴.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, гл. 30.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Изъяснение Божественной литургии, гл. 29.